

Е. В. Богданова, Возвратное спряжение в диалектах карельского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 2002.

7 марта 2003 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Елены Викторовны Богдановой на тему «Возвратное спряжение в диалектах карельского языка».

Работа Е. В. Богдановой выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора П. М. Зайкова на кафедре карельского и вепсского языков Петрозаводского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куллин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Л. Ф. Маркианова (Петрозаводск).

По мнению Е. В. Богдановой, в карельском языке категория возвратности выявляется на основе оппозиции возвратный глагол — невозвратный глагол, например: *pessä ketäniñ, miñäniñ ~ pestä kedätah, midätah* 'мыть кого-либо, что-либо' — *pesejtyö* 'умываться' (*pese-juv-n*

~ pese-uty-n '(я) умываюсь', *pese-uty-y* '(он) умывается') ~ *pestäk-sch* 'умываться' (*pezemmös* '(я) умываюсь', *peze-hes* '(он) умывается') (с. 6—7).

В работе справедливо замечено, что природа и особенности возвратных глаголов карельского языка останутся непознанными, если не будет решен вопрос о характере их соотношения с соответствующими невозвратными глаголами. Содержательная сторона возвратных глаголов существенно зависит от семантики деривационных и реляционных морфем. В большинстве случаев производные глаголы, относящиеся к способам проявления действия, выражают тот же процесс, что и глаголы, на базе которых они созданы. Однако встречаются возвратные глаголы, отличные по значению от невозвратных коррелятов. Для подтверждения можно ограничиться достаточно доказательными русскими примерами, ср. *одевать — одеваться, прощать — прощаться, драть (лыко) — драться, добить — добиться* (хороших результатов) и т.д.

В этой связи возникает вопрос: прослеживаются ли семантические сдвиги

в парах невозвратных и возвратных глаголов карельского языка? Если да, то можно ли установить причину, вызвавшую изменения в смысловых блоках возвратных глаголов?

В карельском языке возвратное спряжение по сей день оставалось одной из слабо изученных категорий. Более того, до сих пор не существует полной картины рефлексивного спряжения в его диалектах. Поэтому актуальность исследования Е. В. Богдановой не вызывает сомнения.

Структура работы (213 с. компьютерного текста) отличается стройностью и логичностью. Она состоит из предисловия (с. 4—5), введения (с. 6—50), основной части, включающей три главы (с. 51—174), заключения (с. 175—185). Библиографический список с учетом сокращений, принятых в языкознании и научных изданиях, содержит 193 наименования (с. 186—200).

Работу завершают приложения, где имеются таблицы спряжения глаголов *kattavuo* — *kattaakseh* 'укрываться' (с. 201—212); схематическая карта диалектов карельского языка (с. 213); схематическая карта южнокарельских периферийных диалектов (с. 214); диалектная карта с формами I инфинитива возвратных глаголов типа *kumardu* 'кланяться, наклоняться' (с. 215); диалектная карта возвратного спряжения; формы 1-го и 2-го лица единственного числа презенса изъявительного наклонения глаголов типа *kumarduakseh* (*kumartuo* 'кланяться, наклоняться') (с. 216); названия населенных пунктов Карелии (с. 217—218).

Следует оговориться, что рубрики (разделы) трех глав, выделенные на основе индексационного принципа нумерации, далеко не однородны как в смысле полноты, так и по характеру изложения. В одних случаях автору удалось привлечь материал всецело и дать его всесторонний анализ, а других — языковые данные лишь отдельных диалектов по причине их отсутствия в других диалектах. Так, в собственно карельском наречии формы возвратного спряжения 1 и 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. не зафиксированы (с. 51, 60, 73, 79). Лично-

числовое окончание с элементом *-h* характерно лишь для некоторых возвратных глаголов ведлозерского и рыпушкского диалектов: Ведлозеро *keräilemmöh matkah* 'собираюсь в путь'; Рыпушка *kirjutammoh* 'запишусь' (с. 54).

Композиция работы соответствует решению поставленной цели — исследованию категории возвратного спряжения в карельском языке. При этом в центре внимания — выявление аффиксальных морфем, служащих для образования возвратного спряжения в наречиях карельского языка, установление основных значений глаголов возвратного спряжения в диалектах этого языка.

Исследование проводилось с применением синхронного, сопоставительного и сравнительно-исторического методов. При анализе языкового материала использовались два основных грамматических подхода: структурный и функциональный. Теоретической и методологической основой работы явились научно-исследовательские труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные возвратному спряжению в прибалтийско-финских языках.

Материал собран Е. В. Богдановой в полевых условиях в период с 1996 по 2002 год в виде записей на магнитную ленту с последующей, полной или выборочной, расшифровкой. Объектом анализа стали и 5000 единиц возвратных глаголов, извлеченных из словарей карельского языка, а также примеры из произведений художественной литературы, устного народного творчества и периодических изданий.

В предисловии (с. 4—5) отмечены актуальность, объект, предмет, цель и задачи исследования, интерпретируются лингвистические методы и приемы, описываются источники работы, раскрывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость, отмечается апробация основных положений и результатов.

Введение (с. 6—50) состоит из четырех разделов. В первом разделе «Теоретические аспекты возвратного спряжения» (с. 6—16) рассматривается категория возвратности и средства ее выражения в карельском языке. Второй

раздел «Словообразовательные и формообразовательные возможности суффиксов с залоговым значением» (с. 16—29) посвящен становлению и развитию способов передачи возвратного значения в диалектах карельского языка с учетом различных точек зрения на происхождение возвратного спряжения в прибалтийско-финских языках. В третьем разделе «Проблема залоговых отношений в финно-угорских языках» (с. 29—38) рассматриваются залоговые отношения в финно-угорских языках. В четвертом разделе «История исследования возвратного спряжения в карельском языке» (с. 38—50) освещается историография исследуемой проблемы.

В I главе (с. 51—129) анализируются лично-числовые формы возвратного спряжения. Она состоит из трех неравных по объему разделов.

Первый раздел (с. 51—93) посвящен анализу лично-числовых окончаний возвратного спряжения в диалектах карельского языка. Е. В. Богданова приходит к выводу, что становление возвратного спряжения в карельском языке связано с предпосылками, имевшимися в нем самом или в близкородственном ему вепсском языке.

Во втором разделе (с. 93—125) анализируется простое прошедшее время возвратного спряжения. В третьем разделе (с. 126—129) рассматриваются формы перфекта и плюсквамперфекта возвратного спряжения. Выводы, к которым приходит Е. В. Богданова, не вызывают сомнения. Глава насыщена хорошо проанализированными примерами карельской речи и диалектными сведениями.

Во II главе (с. 130—153), включающей четыре раздела, анализируются формы наклонений возвратного спряжения карельского языка. Автор считает, что из временных категорий условного наклонения в возвратном спряжении наиболее характерными являются презенс и имперфект. Перфект и плюсквамперфект менее употребительны. Что касается вепсского языка, то сложные временные формы глаголов в возвратном спряжении не так употребительны, как в основном (с. 141). Не останавливаясь на детальном анализе со-

держания второй главы, следует отметить, что с основными положениями, изложенными в ней, нельзя не согласиться.

Третья глава, состоящая из двух разделов (с. 154—174), посвящена семантике возвратных глаголов карельского языка. В первом разделе этой главы излагается краткая история изучения семантики возвратных глаголов в прибалтийско-финских языках (с. 154—156). Весьма актуальной, еще недостаточно разработанной проблеме посвящен второй раздел третьей главы «Основные семантические значения глаголов возвратного спряжения в карельском языке» (с. 157—174). На основе анализа богатого диалектного материала автором выделено 14 семантических групп глаголов возвратного спряжения.

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 175—180), содержащим умело сформулированные выводы по трем главам.

Следует отметить, что Е. В. Богдановой поставлены и решены важные вопросы грамматики карельского языка: впервые в прибалтийско-финском языкознании на материале карельского языка детально рассмотрено возвратное спряжение, установлены его лично-числовые окончания, определены основные семантические группы глаголов возвратного спряжения. Выявлены диалекты карельского языка, в которых возвратное спряжение носит системный характер, и диалекты, в которых оно имеет неполную парадигму либо его реликты.

Большой интерес вызывает также иллюстративный материал, содержащий ценные сведения и свежую информацию. Они, несомненно, будут использованы при исследовании грамматических схождений и расхождений финно-угорских языков.

Следует заметить, что в техническом отношении работа Е. В. Богдановой выполнена надлежащим образом. Для нее характерна строгая систематизация материала, выявление в нем основного, ведущего. Благодаря тщательной работе, Е. В. Богдановой удалось сформулировать обобщающие правила по возвратному спряжению глаголов (с. 201—212),

составить карты грамматических изоглосс диалектов карельского языка (с. 213—218), которые окажут большую помощь в разработке сложных вопросов грамматики карельского языка и, в частности, в составлении учебного пособия по диалектологии для вузов Карелии.

В исследовании, несмотря на основательную обработку материала, все же имеются отдельные недочеты (с. 75, 82, 88, 102, 117) и недомолвки, а также спорные положения.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что Е. В. Бог-

данова решила многие ключевые вопросы грамматики карельского языка, до сих пор остававшиеся нерешенными в прибалтийско-финском языкознании. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретические положения и иллюстративный материал исследования могут стать хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики прибалтийско-финских языков», «Сопоставительной типологии русского и карельского языков».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)